

06
220
к20
1924г.

2 64

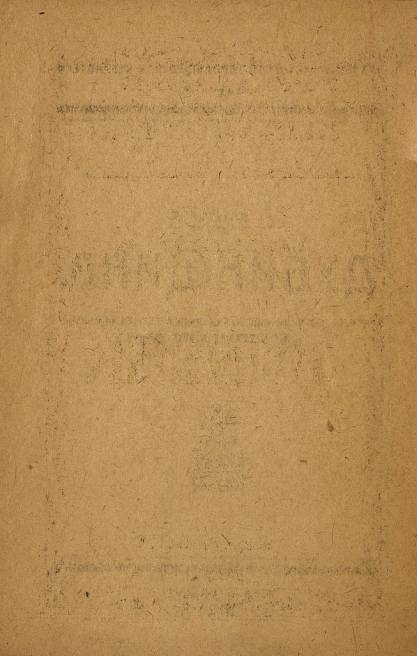
**УРАЛЬСКАЯ
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
выпуск 2.**

Л. М. КАПТЕРЕВ.

ДУБИНЩИНА

УРАЛКНИГА

1924

Дб

220

К. 90

УРАЛЬСКАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

выпуск 2.

А. КАПТЕРЕВ.

ДУБИНЩИНА.

ОЧЕРК ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДАЛМАТОВСКИХ МОНАСТЫР-
СКИХ КРЕСТЬЯН В XVIII ВЕКЕ.

ЕКАТЕРИНБУРГ

1924 г.

323

488022 ✓

✓
БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ОТДЕЛ

получено
9/95 ✓
9/44/15

K-20

9/44/15

372

От издательства.

Выпуская в свет очерк Л. М. Каптерева «Дубинщина», Уралкнига имела ввиду ознакомить широкие массы рабоче-крестьянского Урала с одним из интереснейших эпизодов в истории классовой борьбы на Урале. «Дубинщина» сама по себе, конечно, очень небольшой момент в истории освободительной борьбы, которую трудящиеся массы Урала вели веками против своих угнетателей — помещиков и капиталистов. Но значение очерка выходит за пределы тех результатов, которые имели этот исторический эпизод. Очерк т. Каптерева дает весьма яркое описание условий быта уральских крестьян в 18 веке, а главное он раскрывает те экономические основы, на которых покоился в самодержавной России институт монашества. Материал об угнетении тысяч крестьян монастырем, являвшимся коллективным помещиком, собранный в «Дубинщине», может принести пользу для антирелигиозной пропаганды среди крестьянства, ибо раскроет им глаза на самые отвратительные черты, свойственные церкви и религии.

Предисловие автора.

Если изучать нашу русскую историю только лишь по тщательно цензурированным и предназначенным для широкого обращения печатным материалам дореволюционного времени, то можно подумать, что всегда и все у нас обстояло благополучно. Цари царствовали и неустанно пеклись о счастье своих «верных подданных», а народ благоденствовал. Если же на парадно-блестящем фоне официальной истории все же иногда встречались темные пятна, которых нельзя было замаскировать, то причины их обыкновенно очень просто объяснялись влиянием и действием «злонамеренных лиц».

Такова была официальная историческая «правда». Но была и другая, подлинная правда о минувшем, которая ревниво оберегалась в правительственных архивах, таилась в различных записках и воспоминаниях очевидцев и участников тех или иных исторических событий, сохранялась в народной памяти, дедовских рассказах и преданиях. После того, как наша революция смела обветшалый государственный строй, эта подлинная правда получила права гражданства. И тогда, в ее беспристрастном освещении, наша история оказалась почти сплошным темным пятном.

Одним из таких пятен является бывшее в середине XVIII века восстание приписанных к Далматовскому монастырю (Шадр. у.) крестьян, поднявшихся против невыносимого гнета своих «хозяев».

Монахи—помещики и официальные защитники их интересов окрестили это восстание презрительною кличкой «Дубинизм», так как поднявшиеся против них крестьяне могли противопоставить посланной для их усмирения дисциплинированной и хорошо вооруженной воинской силе—почти одни только топоры и дубины да свою крепкую крестьянскую сплоченность. Но даже и с этим примитивным оружием далматовские мужики около двух лет боролись за свою независимость.

«Дубинщина» — исторический эпизод небольшого, сравнительно, масштаба. Может быть вследствие этого или же потому, что была заслонена последующими, более крупными и яркими событиями, она не привлекла особенного внимания историков нашего края — Чупина, Дмитриева, Смышляева и др. и почти совсем не освещала в печати, если не считать нескольких пристрастных слов, оброненных по этому поводу историком Далматова, Плотиновым. Но было бы непростительно замолчать это движение. «Дубинщина» — очень яркая и колоритная иллюстрация классовых взаимоотношений тогдашнего времени. Помимо этого, она имела огромное воспитательное значение для местного крестьянства и частично подготовила почву для другого, возникшего через десять лет и гораздо более широкого и глубокого движения — «Пугачевщины».

Л. Кантерев.

I.

Всякому, кто когда-нибудь проезжал в ясный летний день по Исетскому тракту между с. Катайским и заштатным гор. Далматовым (Шадр. у.), должна быть памятна прелестная, еще издалека открывающаяся панорама.

На высоком левом берегу Исети, красиво излучиной огибающей Далматов, поднимается над беспредельною ширью привольной равнины старый монастырь. Утопают в столетних садах его «шатровые» церкви, четко вырезаются на голубом фоне неба величавые зубчатые стены каменного кремля, грозно высятся законченные пороховым дымом башни и бастионы.

Когда то здесь ключем била своеобразная жизнь. Тысячами приходили на поклонение монастырским «святням» простодушные и доверчивые богомольцы; сотни монастырских рабов-крестьян трудились над обширным хозяйством монахов-помещиков; поколение за поколением сменялись питомцы легендарной бурсы.

Но порою внешне спокойный пульс повседневно-будничной жизни монастыря менялся и «обитель» превращалась в грозную крепость, с ее стен и башен гремели пушки и пали, вместо кадильного—облаками поднимался пороховой дым.

Теперь монастырь тих и печален, как могила. Безвозвратно миновало беззаботное и сытое «житие» его обитателей-монахов, давно прекратился приток паломников и приношений. Угрюмо смотрят старые стены и башни—свидетели многих, часто жутких событий, угрюмо хранят они свои тайны.

Но если молчит старый кремль, то много и красноречиво говорит о старине обширный монастырский архив. Секретные в свое время документы сделались общим достоянием и теперь раскрылись таинственные завесы закулисной жизни «святой обители».

1644 год можно считать началом русской колонизации благодатного Исетского края, тогда в значительной своей части принадлежавшего к владениям ясочного Тюменского та-

тарина, мурзы Илигея. Аванпостом русской колонизации явился Далматовский Успенский монастырь, основанный в этом году выходцем из Невьянского монастыря (с. Невьянско-Экономическое или Монастырское, Н.-Тагильского у.) Далматом Мокринским.

Среди необозримых лесов, с кое-где вкрапленными в них убогими деревушками полудиких аборигенов края—башкир, на левом берегу Исети (невдалеке от впадения в нее р. Течи), на урочище «Белое Городище», появился маленький скит с десятком отшельников.

Первоначально это была замкнутая община людей, бежавших в лесную глушь от «мирские прелести». Скоро, однако, чистота и определенность нравственных идеалов в значительной степени потускнели и религиозные искания стали отступать перед интересами и заботами материального характера. Далматовский монастырь пошел по шаблонному пути всех русских монастырей и уже через два года после своего основания превратился в крупного земельного собственника.

Осенью 1646 года мурза Илигей (по монастырским летописям—родственник Далмата), отдал в вечное владение монастырю не только запятое отшельниками урочище «Белое Городище», но еще и огромный земельный участок, простиравшийся на 60 верст в длину и 30 верст в ширину, т. е. около 160.000 десятин. Границами новых монастырских владений были: на севере и северо-востоке—нынешние села: Широковское и Кривское, на юг и юго-восток—села Песчанское и Лаптевское, на запад—с. Боровское и на восток—Черный Яр (все Шадринского у.)

Впоследствии, когда мусульманский покровитель христианского монастыря, Илигей, отошел в вечность, права монастыря на владение землями были официально подтверждены Московским правительством: в 1651 году досмотром и описью Тобольского боярского сына Павла Шульгина, а в 1659 году—окончательно утверждены грамотой царя Алексея, с точным указанием земельных границ. С этих пор Далматовский монастырь стал полным и безраздельным собственником громадной территории, равной по размерам любому из прежних мелких немецких княжеств и герцогств.

Обширные монастырские владения, с их прекрасными лесами, богатейшими черноземными участками, с обильными рыбой и не обмелевшими еще тогда реками и речками Исетской водной системы*), хмелевыми угодьями, вишневыми зарослями и прочими благами,—заставляли думать о хозяйственном их использовании.

*) Еще в середине XVIII столетия Исеть была судоходной рекою. Из Далматова отправлялись в Тобольск суда с хлебом и проч. привазами для митрополичьего дома и тобольских высших чиновников. Теперь же по Исети около Далматова можно ездить лишь в небольших лодках.

Но рабочих рук не было. Горсточка монахов не могла, разумеется, справиться с таким большим и разнохарактерным хозяйством да, кроме того, далматовские отшельники, как и все вообще русские монахи, не особенно любили обременять себя физическими трудами, предпочитая им «духовные подвиги».

Необходимо было, следовательно, привлечь откуда-нибудь извне живую и послушную рабочую силу, необходимо, также, было оградить монастырь и его собственность живым человеческим оплотом от нападений враждебных соседей—башикир и набегов беспокойных калмыцких орд. Деревянные стены монастыря плохо защищали монахов от аборигенов, долго не мирившихся со вторжением русских в их петропавловский край.

Эта рабочая сила скоро нашлась. Слухи о новом монастыре стали доходить не только до редких еще тогда зауральских селений, но проникали и за Урал, и в монастырь началось паломничество. По глухим лесным тропам, по еще намеченным примитивным дорогам,—шла сюда бродячая Русь: заведомыми монастырей, привыкшие к скитальческой жизни «странники», разная бездомная гольтьба—так называемые «гулящие люди», беглые помещичьи холопы, заглядывали, в поисках лучшей доли, измученные помещиками, произволом и непосильными поборами правительственных воевод—«тяглые люди».

Кое-кто из этих случайных пришельцев—отчасти под влиянием морального воздействия монастыря, отчасти же, соблазняясь привольными землями и выгодными на первый взгляд условиями—осаживались на монастырской земле, заключали с монастырем «рядные записи», т. е. письменные договоры, и обзаводились хозяйством.

Таким образом в 1651-52 годах около монастырских стен зарождается первое колонизационное ядро—«Служивая слобода», переименованная впоследствии в село Никольское и затем—в Далматов.

Во второй половине и, в особенности, в конце XVII века заселение пустынного Исетского края заметно развивается. И вблизи, и вдали от монастыря появляются деревни и поселки—Нижний Яр, Верхний Яр, Верхтеча, Песчанское, Ключи, Затеча, Притыка, Широковское и др.

Особенно же быстро начало подвигаться заселение монастырских вотчин и вместе с этим увеличивается кадр дешевых работников, когда управление монастырем перешло в твердые руки Далматова сына, Исаака. Умный, энергичный и властный, не всегда чистооплотный в выборе практических путей и средств, но фанатически преданный интересам монашеской касты,—Исаак быстро создал популярность и поднял богатство монастыря. Он всюду завязывал сношения с нужда-

ми людьми, часто ездил в Москву, Тюмень, Тобольск, Архангельск и др. места, подавал челобитные, выпрашивал всякого рода подачки и пожертвования.

В целях увеличения безответственной рабочей силы, он принимает и укрывает в монастыре беглых каторжников, не вынесших жестокой петровской муштры военных дезертиров, беглых холопов,—словом, людей, которым уже некуда было деваться и с которыми, следовательно, можно было не церемониться. Правда, в монастырь часто сыпались грозные запросы тобольских воевод о скрытых здесь беглых, но Исаак умел отписываться, давал кому следует, взятки, а иногда платил и штрафы, но с дешевыми крепостными не расставался.

Хозяйский глаз архимандрита Исаака обратил внимание и на тот богомольный сброд, который собирался и иногда по долгу засиживался в монастырских стенах, и он решил прибрать его к рукам. В марте 1717 г. он подает следующую челобитную Петру I-му: *)

„Державнейший Царь Государь Милостивейший, в прошлом 1716 году по указу Вашего Величества велено нам нижайшим богомольцам строить оградное каменное строение со службами и на тое строение из казны Вашего Величества определено денежное жалование а в монастыре у нас убогих людьми скудость великая, крестьяншек и дворцовых работников малое число. И есть после переписки князь Василия Алексеевича Мещерского из разных городов и мест от скудости великие приходили холостые и гулящим бытом и пожепились на крестьянских дочерях и сестрах а иные и с женошками пришли и обжились для прокормления а в слободы не выехали за таковым случаем что завестися нечем и в монастыре кормятся милостинею и работою, а приезжих нищих и увечных и хто мало в работе годен всех семейшек с сотню пезбольшим. Всемилостивейший Государь просим Вашего Величества повели Ваше Державство тем нищим и увечным кормиться в монастыре у нас милостинею а которые могут работать по дому не быти за монастырем для строения оградного каменного строения кем бы мочно строить.

Вашего Величества нижайшие богомольцы Успенского Далматова монастыря архимандрит Исаак со братиею марта 2-го дня вынесения 1717 года. Челобитчик архимандрит Исаак руку приложил“.

Петр I удовлетворил это ходатайство и „семьшек с сотню пезбольшим“ были приписаны к монастырю и нищие, но во всяком случае не увечные, (как фальшиво писал Исаак) вместе с остальными „крестьяншиками“ стали надрываться над постройкой крепостных стен и башен и создавать цитадель монастырского могущества.

*) Орфография подлинника.

II.

Селившиеся на монастырских вотчинах крестьяне обыкновенно получали два-три „льготных года“, в течение которых они были свободны (по крайней мере юридически) от всяких повинностей по отношению к монастырю. Кроме того, им выдавались на обзаведение, за деньги, на каждый двор: лошадь, корова, овца, оральники (т. е. лемехи к сохам), топоры, серпы, косы и проч. мелкий, хозяйственный инвентарь. По истечении же льготного срока, когда крестьянин более или менее твердо становился на ноги и представлял уже определенную рабочую и платежную силу, он должен был приступить к точному выполнению „рядной записи“. Этими записями обыкновенно предусматривались не только хозяйственные повинности крестьянина, но определялась даже моральная сторона его частной жизни, круг знакомств и проч. Так, напр., в сохранившейся в монастырском архиве записи какого-то Антона Вайонина, от 1695 г., между прочим, говорится: „жить мне, Онтону, у их старцев (т. е. Далматовских монахов) на их вотчинной земле с женою и детьми своими вечно без выезду, а дали они старцы, Игумен Исаак с братиею на два года льготы с 203 (1695) году июля с 11 числа до 205 (1697 г.) году такового же числа, а после тех двух льготных годов делать мне Онтону, всякое монастырское зданье ставить березовых дров весподильных по две сажени на год, а ставить дров во вся году в ограду, да со всякой коровы давать по безмену масла летнева, да к светлому Христову Воскресенью по 20 яиц венца (т. е. с супружеской пары), да со всякого хлеба после тех двух льготных годов выделывать пштым снопом, а тот выделной хлеб измолотить мне, Онтону, привести в ограду в житницу, а охоботье и мекним по дворцу... а жить мне, Онтону: у их старцев у игумена Исаака со братиею никакого бунтовства и крамолы на их, старцев, и меж своею братиею не поднимать и никаким вороством не воровать и подвозных вин в дом не принимать и самому вина не курить *) и зарню и карты не играть и с воровскими людьми не знаться...

Безземелье и безысходная нужда заставляли крестьянина соглашаться и на эти кабальные условия и давать записи „на вечные времена“, т. е. продавать в рабство не только себя и свою семью, но даже и свое потомство. Дальнейшие поколения уже и без „рядных записей“ рождались, жили и умирали монастырскими крепостными.

Писанные и неписанные повинности крестьян, в общем, были настолько тягостны, что даже покорные и задержанные

*) В Архангельско-Шадринской слободе (нынешний Шадринск) был назанный кабак, монополично снабжавший население водкой. Выгон и продажа вина, помимо казны, — сурово карались.

мужики теряли иногда терпение и отказывались работать на своих „хозяев“, что с монашеской и правительственной точки зрения было уже „бунтом“. Первый такой „бунт“ произошел вскоре после смерти архимандрита Исаака, в 1727 году. Призрак сурового монаха не пугал уже крестьян и они попробовали заговорить о своих забытых всеми правах.

Власти не потрудились хотя бы даже поверхностно расследовать причины крестьянского протеста, без всяких размышлений и колебаний приняли сторону монастыря и отказ крестьян от выполнения некоторых работ—объяснили исключительно их упрямством. В присланном по этому случаю в Далматов указе Тобольского митрополита Антония от 23/III, 1727 г., говорится, что „они де, (крестьяне) чинят не по нужде своей, но по бездельному своему упрямству и гордым“. Указ грозно предписывает „гордым“ крестьянам во всем беспрекословно повиноваться монастырским властям, а над виновниками и зачинщиками, за их „противность и преслушание“, повелевает „учинить жестокое наказание, дабы впредь того чинить им было неповадно: при собрании братии и всех их, обывателей, публично бить кнутом нещадно“. Таков был архинастырский суд и приговор.

Экзекуцию производил вызванный в Далматов земский комиссар Шадринского дистрикта (т. е. участка), полковник Федор Толбузин. *) Повидимому, ревностный комиссар очень основательно познакомил бунтовщиков с правами монастыря и обязанностями крестьян, так как тотчас же после его посещения они раскаялись и отправили Тобольскому митрополиту повинную челобитную (составленную, впрочем и подписанную за безграмотных челобитчиков—Далматовскими попами) где, между прочим, писали: «за великое наше неразумение и преступление и внезапное прегрешение наше просим милостивого прощения и помилования, чтобы нам убогим от оного тяжкого на теле наказания не прийти во всеконечное разорение.» В заключение, крестьяне обещались беспрекословно исполнять все работы и повинности, какие полагались с них для монастыря.

Таким образом, взаимоотношения обеих сторон, в конце концов, достаточно ясно определились: одна сторона, опиралась

) Толбузин был в очень хороших отношениях с архимандритом Исааком и нередко посылал в монастырь „на помин души“ ценные подарки. В одном из своих писем, в 1720 г., он пишет Исааку: „Государь, святой отец, архимандрит Исаак, в святости своей долготу лет здравствуй. За благосердвое Вашего благословения писание стократ благодарствую, ныне во обитель Вашу послал с Вашим посланным завоеванных 49 кобылиц, да жеребца шерстью гнедо-карего, да с ними жереблуд, да с ними же девку...“

на закон, связи и воинскую силу, *)—повелевала и извлекала выгоды, другая же—безответно трудилась и время от времени получала весьма ощутительные напоминания о своих обязанностях.

III.

Ко второй половине XVIII века на вотчинных землях Далматовского монастыря находились следующие, приписанные к монастырю, селения:**) с. Николаевское (Далматов), деревни: Широкова, Тропина, Смирнова, Нижний-Яр, Верхний-Яр, Затеча, Притыка, Черноярская, Ключевская, Першина, Верхтеча, Анчугова, Бисерова, Песчанская, Мальцева, Дубасова, Басказык, Лобанова, Бугаева, Савинкова, Камышная,— всего 22 селения, с общим количеством около 3000 душ.

Все это были убогие деревушки, с жалкими избушками, большей частью построенные из березовых или осиновых бревен (строевые сосновые леса находились в исключительном пользовании монахов), крытые соломой, дерном и в редких случаях драгнинами. Маленькие окна крестьянских домишек, с кишечными пузырями вместо стекол—пропускали мало света и очень много холода. Люди жили скученно и тесно, в непролазной грязи и поэтому всякого рода эпидемии были здесь обычным явлением и получали обильную жатву. Разбросанные без всякого плана домишки были жертвою постоянных пожаров, до-тла уничтожавших целые деревни. Разоренные пожарами крестьяне обращались за помощью к своим помещикам—монахам и попадали в совершенно безвыходные экономические тиски.

Если уже в первые годы по заселении монастырских земель повинности приписных крестьян были настолько тягостны, что вызывали бунты, то ко второй половине XVIII века, когда монахи вошли во вкус власти и материального

*) „Закон“ и власти всегда были на стороне монастыря, не скупившегося для ограждения своих интересов на взятки. Взятничество практиковалось уже в первые годы существования монастыря. В расходных книгах за 1701 год встречается наивно откровенная запись: „Сего года монастырской стряпчей“ Нестер Теликов ездил в Тобольск к господину князю Ивану Солицеву с книгами о свидетельстве душ монастырских разночинцев и крестьян и побойлей... Князь Ивану Солицеву в поднес (т. е. в подарок) куплена нельма—шесть алтын четыре деньги дано, ему Солицеву куплено ячменя три четверти денег три рубли двадцать шесть алтын четыре деньги дано. Подъячему Ивану Филипову от дела один рубль шестнадцать алтын четыре деньги дано. Молодому подъячему Алексею Лазину от дела денег двадцать шесть алтын четыре деньги дано. Молодому же подъячему—три алтына две деньги. Княжиным домовым людям четверем человекам тринадцать алтын две деньги дано. Сержанту и канцару четыре деньги дано“...

**) Сведения почерпнуты из официальной „Ведомости“ представленной Далматовским монастырем в коллегию экономий в Петербурге при отношении от 9 ноября 1763 г.

довольства, эти повинности, неуклонно нарастая и усложняясь, превратились в невыносимое время. Близорукая и жадная политика монастырских властей сама воспитывала в народе чувство горькой обиды и несправедливости, сама подготавливала почву для энергичных крестьянских протестов.

В представленном в коллегию эконоомий официальном реестре Далматовского монастыря (от 9/XII, 1763 г.) перечисляются натуральные повинности крестьян, состоящих в «тягле». («Тягло», т. е. повинность,несли все физически здоровые мужчины в возрасте от 16 до 60 лет). Они таковы:

1) каждый хлебороб должен был доставить в монастырь из своего урожая *Пятую часть* (так назыв. «пятинный хлеб») обмолоченного и провяленного хлеба и ссыпать его в монастырские амбары;

2) на собственных лошадях, а если не хватало, то частью и на монастырских, крестьяне должны были ежегодно всахивать и засеивать от 350 до 500 десятин монастырской пашни, убрать созревший хлеб, свозить в скирды, обмолотить, провялить и ссыпать в амбары, причем пища при всех этих работах полагалась монастырская;

3) рубить и мочить монастырскую коноплю;

4) рубить весной и доставлять осенью в монастырь по одной сажени дров с каждого «тягла».

5) доставлять с каждого покоса по 10 копен сена;

6) с каждого тягла по одной деревянной лопате;

7) с каждого двора по 10 шт. куриных яиц;

8) собирать хмель в монастырских хмелевых дачах *) «неуравнительным числом дней и людей», т. е. неопределенно, в зависимости от того, сколько понадобится, по обстоятельствам времени и рабочих рук;

9) работать летом и осенью на Исетских рыбных ловлях;

10) ежегодно поправлять по Исети, Тече и Суварышу мельничные плотины, возить землю и настилать сани, а если встретится надобность, то и заново перестраивать;

11) варить для монахов квас и пиво;

12) ежегодно заготавливать до 300 сажень дров для обжигания кирпичей на монастырских кирпичных заводах;

13) рубить в отстоящем от Далматова в 70 верстах Речельском бору стросовой и тесовый лес и доставлять его в монастырь;

14) добывать и возить с р. Синары (в 60 верстах от Далматова) известь и обжигать ее «неуравнительным числом дней и людей»;

15) ремонтировать жилые монашеские помещения и на-дворные постройки, устраивать и чистить скотные дворы;

*) Большие хмелевые угодья Далматовского монастыря находились: 1) около самого Далматова и 2) на реке Уй (при впадении ее в Тобол), где было монастырское поселение и, кроме того, рыбные ловли.

16) доставлять с каждой коровы по 1 безмену (2 1/2 ф.) масла;

17) отвозить в Екатеринбург, Ирбит и другие места монастырские товары и припасы на ярмарки, на что ежегодно должно было до 50 крестьянских подвод.

Впрочем, и вышедшие из «тягального» возраста старики не оставались свободными от повинностей—они назначались сторожами при монастырских церквях, кремлевских воротах, окарауливали монашеские хлеба, хмелевые угодья, вишневишки и проч.;

Этот длинный официальный перечень крестьянских повинностей является далеко неполным. В действительности монашеское ярмо гораздо сильнее давило крестьянскую шкуру, чем это рисовалось в официальных сообщениях. Это ярмо было тем обиднее, что добрая половина монахов рекрутировалась из тех же крестьян и потом, пользуясь незаслуженным привилегированным положением, беззастенчиво жила за счет своих братьев.

IV.

После двадцатилетнего царствования Елизаветы Петровны—суеверно-богомольной, невежественной и беспорядочно-своеправной русской барыни XVIII века—русский престол достался ее племяннику, голштинскому принцу Карлу-Петру-Ульриху, преобразившемуся на русской почве в императора Петра Федоровича III-го.

Воспитанный в правилах лютеранской церкви и в духе голштинско-шведского патриотизма (его первоначально готовили на шведский престол), крайне педалевкий, остановившийся в своем умственном развитии почти на детской ступени, Петр III ненавидел и презирал усыновившую его Россию. В управлении государством он не принимал почти никакого участия, поручив государственные дела и заботы своим «более умным, чем он, министрам».

В его эфемерное царствование было, однако, издано несколько очень умных и дельных указов, диктовавшихся, впрочем, и побуждениями гуманности или соображениями государственного порядка, а только лишь практическими расчетами окружавших Петра наредворцев—разных Шуваловых, Воронцовых и др.—строивших свое положение на создании его популярности в России, или же—ненавистью Петра ко всему укладу русской жизни. Таков был, между прочим, указ о секуляризации (отобрании) церковных и монастырских имений и передаче их крестьянам, указ, всколыхнувший крестьянство и духовенство и чреватый большими последствиями.

Мысль об изъятии из ведений монастырей всех их земельных вотчин и освобождении монастырских крестьян от почти пожизненной барщины—возникла еще в царствование Елизаветы, но потом забылась. *) Советники Петра III, играя на его ненависти к русскому духовенству и, в особенности, к монашеству,—напомнили ему о предположениях Петра I и Елизаветы и, вот, 21 марта 1762 г. появляется указ «О монастырских штатах», чрезвычайно встревоживший благоденствовавшее до сих пор многочисленное сословие «церковных дворян».

Из каких бы, однако, побуждений и соображений ни вытекал этот указ,—он вносил огромное облегчение в положение монастырских крестьян. В силу этого указа почти все земли отходили от монастырей и передавались обрабатывающим их крестьянам. Крестьяне же, вместо прежних, многосложных натуральных повинностей, должны были уплачивать монастырям лишь денежный оброк, по 1-му рублю в год с каждого «тягла» (податной души)**). Но и эти деньги не целиком шли в распоряжение монастырей, а только та сумма, какая полагалась тому или иному монастырю по особому расписанию, так называемым «штатам». Остальные, собираемые с крестьян деньги—около двух третей,—должны были расходоваться на содержание учреждаемых при монастырях инвалидов домов для престарелых и увечных солдат***).

Какими то таинственными, но очень быстрыми и верными путями—весть об указе Петра III дошла до Далматова раньше, чем указ был получен местными правительственными учреждениями и радостно всколыхнула измученное крестьянство.

*) Впрочем еще при Петре I-м была сделана законодательная попытка ограничить права разжиревших монахов—указ от 3/III 1724 г. С характерною для Петра и его эпохи грубою прямолинейностью, указ говорит: «нынешнее житие монахов точно вид есть понос (позор) от иных законов, немало же и зла происходит, понеже большая часть тунеядцы суть и понеже корень всему злу праздноство... и почитай все из поселян, то не точно не отделился, но приреклось доброму житию, ибо дома был троданник, то есть лому своему, государству и помещику, а в монастырях все готовое... что не прибыль обществу от сего воинству, токмо старая посповица: ни богу ни людям, понеже большая часть бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть».

Указ этот, изданный в последний год царствования Петра I, не был проведен в жизнь, а при последующих «бабьих» царствованиях и вовсе забылся. Лишь при Петре III-м вспомнили о нем и положили в основу указа от 21/III. 1762 г. (о секуляризации монастырских земель).

**) Применительно к курсу нашего довоенного рубля это составляло около 8 руб. в год. Сумма незначительная, но если принять во внимание тогдашнее натуральное хозяйство крестьянина, отсутствие близких рынков для сбыта сельских продуктов и пр., то и эта, сравнительно небольшая сумма, добывалась не без труда и хлопот.

***). Выражение «престарелый солдат»—дико звучит для нашего времени, но тогда это было вполне понятно, так как люди отбывавшие воинскую повинность в течение 50 лет и получали отставку уже дряхлыми стариками.

Частным образом узнали об этом и монахи и, возможно, что про указ «шеннул» мужикам их доброжелатель, монастырский служка Кузьма Мерзляков, впоследствии открыто перешедший на сторону крестьян.

Из деревни в деревню полетели гонцы и скоро не только далматовские, но крестьяне, приписанные и к другим монастырям Исетской провинции *)—Рафаиловскому, Кондинскому, Воскресенскому и др.—узнали, что миновала более, чем столетняя тягостная барщина и унижительное издевательство над душою и телом крестьянина и что отныне все крестьянские повинности по отношению к чернорицам-помещикам определяются только рублевым оброком.

В конце апреля 1762 г. указ был получен в Шадринской управительской канцелярии и в начале мая в Далматов прибыли: Шадринский управитель Константин Выходцев и провинциальный ассессор Иван Соколов, чтобы объявить указ и составить опись монастырского имущества. Прбыли они с большой помпой, с под'ячими и воинским конвоем.

Соколов торжественно объявил указ собранным в Далматове представителям монастырских крестьян, но при этом не мог удержаться, чтобы не содрать с них за радостную весть взятку: за «прочтение указа» он взял с крестьянского старосты Попова—для себя пятьдесят рублей, на под'ячих десять рублей и десять же рублей на солдат. Применительно к курсу 1913 г. это составляло около 600 рублей.

Заплативши хороший куш Соколову, крестьяне узнали, что отныне они свободны от натуральных монастырских повинностей и могут пользоваться не только своими землями, но и теми угодьями, какие до сих пор были в непосредственном владении монастыря и если бы даже эти последние земли были засеяны хлебом для монахов, то и посевы целиком переходят в собственность крестьян.

Выходцев между тем приступил к составлению подробной описи всего монастырского имущества. Руководили ли им симпатии к обиженным и обнищавшим крестьянам и ненависть к разжиревшим монашествующим бездельникам, или же это просто был строгий формалист, упрямо стоявший на букве петровского указа, но так или иначе, а Выходцев очень основательно подсчитал все монастырские недостатки. По грустному выражению монастырской летописи, он «запечатал в монастыре почти все, лишил права пользоваться не только потребностями житейскими, но и церковными вещами».

*) Исетская провинция с резиденцией провинциального управления в Челябинске, состояла из дистриктов: Исетского, Шадринского, Окуевского (ныне с. Окуновское, Челябинского у.) и Ялуторовского.

Монахи не желали, однако, так быстро и бесповоротно лишиться своих «освященных вековыми обычаями» прав и преимуществ и не считали своего дела проигранным. Прежде всего они прибегнули к защите своего непосредственного духовного начальства и написали Tobольскому митрополиту Павлу слезную жалобу, где обвиняли Выходцева в незаконных поступках и даже в присвоении монастырского имущества. Митрополит, как и следовало ожидать, принял сторону своей касты и в наказание „за учиненные святой обители тяжкие обиды“—отлучил Выходцева от церкви.

А монахи, как будто предугадывая назревающие в далеком Петербурге политические события, стали выжидать.

Настоятелем далматовского монастыря в то время был ставленник и любимец тобольского митрополита, архимандрит Иакинф Камперов,—человек умный и для своего века и круга очень образованный, но отличавшийся необыкновенным даже для русского монаха корыстолюбием и невероятною, даже для грубого XVIII века, жестокостью. В выборе средств воздействия и наказания этот духовный администратор не переменялся даже и с подведомственным ему духовенством обширного далматовского заказа*). Так, например, он распорядился за какую то провинность жестоко наказать плетью Басмановского (Шадр. у.) попа Задорина и Пышминского (Камышл. у.) дьякона Попова и после этого заставил их служить в окровавленных одеждах обедню в монастыре. По свидетельству даже крепко связанных кастовою дисциплиною монахов, Иакинф «возлагал на служителей труды, превышающие человеческие силы, при обзоре нещадно бьет плетью за неисполнение». Если этот монашествующий зверь так поступал со своей братией, духовными, то по отношению к бесправным монастырским крестьянам, он еще меньше стеснялся. В глазах этого «пастыря» мужицкая рабочая сила и мужицкая «душа» расценивалась гораздо дешевле, чем монастырский рабочий скот. Для иллюстрации этих отношений достаточно привести один небольшой пример. Как то в марте, в полную весеннюю распутицу, на второй день пасхи, когда и монастырский скот пользовался праздничным отдыхом, Иакинф погнал плохо одетых нобутых крестьян за десять верст от Далматова на озеро долбить во льду проруби для пропуска рыболовных неводов, а на следующий день крестьяне неводили через эти проруби рыбу для своих помещиков—«нищих и убогих», как

*) Громадная „Сибирская епархия“ еще при Петре I-м была разделена на несколько мелких административных единиц, так называемых „заказов“. Далматовскому заказу было подчинено 50 приходов, простиравшихся от Алапаевска почти до Челябинска и от Невьянска до Ялуторовска.

постоянно называли себя монашествующие лицемеры в своих челобитных к властям и письмах к «благотворителям». *)

Надежды монахов на поворот к лучшему для них—скоро оправдались. Царствование невольного мужицкого благодетеля, Петра III-го, быстро кончилось: 28 июня 1762 года он был отправлен на свою мызу в Ропшу, а 6-го июля—в лучший мир.

Русский престол занимает жена Петра III, бывшая немецкая принцесса Ангальт-Цербстская, так же, как и ее муж, именующая себя «внучкой» Петра I-го и при содействии кучки военных дворян, ставшая императрицей Екатериной II-й.

Не вполне уверенная в прочности своего нового положения, Екатерина решила привлечь симпатии и заручиться дальнейшей поддержкой самых могущественных классов тогдашней России—дворянства и духовенства. Заигрывая с духовенством, умная пемка вскоре после захвата власти отменяет указ Петра III и 14-го августа 1762 г. издает новый—о возвращении бывших монастырских крестьян и земель по прежнему во владение монастырей. Правда, этим указом предлагалось собирать с крестьян, взамен натуральных повинностей, определенный Петром III рублевый оклад, но в то же время монастырям предоставлялось весьма растяжимое право, в зависимости *«от пристойности мест и надобностей употреблять их (крестьян) к нужным работам без отягощения»*.

Указ Петра III оказался, в конце концов, разбитым корытом и перед радостно вздохнувшим было крестьянством опять встала перспектива бесконечной и беспросветной барщины.

Монастыри, разумеется, учли все преимущества и выгоды натуральных повинностей перед скромным «рублевым окладом» и не преминули воспользоваться предоставленным им правом «употреблять крестьян к нужным работам».

*) Арх. Иакинф управлял далматовским монастырем и заездом почти до конца 1776 г. Он пережил здесь пугачевщину, от которой, впрочем, трусливо скрылся в далекий Тобольск. Вросив на произвол судьбы свой монастырь, он ограничивался лишь тем, что из своего безогласного убежища посылал в осажденный пугачевцами монастырь «увещательные письма», убеждая монахов крепко держаться против «мятежников». Возвратился он в Далматов лишь осенью 1774 г., когда пугачевское восстание в Приисетском крае было окончательно подавлено де-Колонгом и всетски из Тобольска его сопровождал усиленный воинский конвой.

В 1776 г. Иакинф был переведен настоятелем Соликамско-Пыскорского монастыря и за время своего управления здесь—возбудил против себя всеобщую ненависть. Соликамский летописец называет Иакинфа человеком «права презрестогого».

В январе 1793 г. этот «презрестогого права» монах был убит крестьянами в своей келье и, кажется не без ведома и даже тайного содействия Пыскорских монахов. Убийцы захватили в келье «отрепавшегося от мира» чернеца множество принадлежавших ему ассигнаций, золота, серебра, различных драгоценностей и четыре мешка медных денег.

Воспользовался этим правом и Далматовский монастырь. Торжествующий архимандрит Иакинф злорадно объявил монастырским крестьянам, что «кончилась их воля» и что они по-прежнему должны быть в беспрекословном «послушании святой обители». Печати, наложенные на монастырское имущество Шадринским управителем Выходцевым, были сняты и монахи опять вступили в нарушенные было хозяйские права.

V.

Резкая и благоприятная для духовенства перемена внутреннего политического курса—окрылила Далматовских монахов.

Но для приведения крестьян «во всеконечное духовным властям подчинение»—даже с точки зрения арх. Иакинфа все же необходимы были некоторый официальный порядок и хотя бы декоративная «законность». Он знал, что крестьяне ему «не поверят» и поэтому обратился в Исетскую провинциальную канцелярию с просьбой—командировать в Далматов особого уполномоченного, который бы объявил крестьянам новый указ.

Провинциальный воевода Ермолов—строгий сторонник «законного порядка» и очень дружелюбно расположенный к монахам—послал в Далматов, каких то двух приказных. Они, прибыв сюда в конце сентября 1762 г., собрали крестьян, объявили им о новой царской милости и затем, совместно с монахами, приступили к ликвидации кратковременного мужицкого благополучия и довольства.

К 1-му октября все было кончено: землю, обработанную и частью засеянную озимыми хлебами, у крестьян отобрали, возвратили монахам попавший, было, в мужицкие руки живой и мертвый хозяйственный инвентарь, хотя и «с немалыми убытками», как слезливо жаловался Тобольскому митрополиту Иакинф.

Исетские приказные, закончив свое дело, уехали, а монахи стали ждать крестьянской покорности. Однако же крестьяне, хотя и выслушали «высочайший» указ, но с проявлением покорности не торопились.

Назначенному монастырем мирскому старосте Лаврову они категорически отказались повиноваться. «Тебе»,—заявили мужики монастырскому ставленнику.—«шуту, вору, ушнику и предателю—не только не быть мирским старостой, но и в сотники никогда не попасть. В мирском совете тебе, предателю, нечего делать, иди к своим монахам и будь у них монастырским старостой».

Вместо «ушника» Лаврова—они выбрали своего старосту—*Лаврентия Широкова*, настоящего мирского человека, стойкого защитника и радетеля крестьянских интересов.

Таким стойкими верным другом крестьян был и *Кузьма Мерзляков*, монастырский служка, изменивший «святой обители» и перешедший на сторону крестьян. Хорошо грамотный, Мерзляков был постоянным «челобитчиком» за крестьян, исполняя у них официальную должность мирского «пищика» (т. е. писаря). Он был для них незаменимым человеком, так как хорошо знал жизнь и психологию монахов, все их слабые и сильные стороны, знал, куда и как нужно было обращаться по крестьянским делам. Многочисленные «изветы» (письменные сообщения), адресованные в Оренбург—губернатору Волкову, в Исетскую провинциальную канцелярию, в Каменскую заводскую контору,—настоящие шедевры умной и убедительной дипломатии—были написаны Мерзляковым. Монахи по достоинству оценивали этого своего врага и, нужно заметить, ни один из восставших впоследствии не возбуждал такой непримиримой ненависти монахов, как Мерзляков, этот «презлейший вор и предрезостный возмутитель и толкователь», как обыкновенно называли его монахи.

Кроме Широкова и Мерзлякова в «крестьянский штаб» входили: второй «пищик» *Михаил Белозеров*, другой *Лаврентий Широков* (брат мирского старосты) *Демид* и *Иван Лобовы* и *Алексей Коуров*. Большинство их было из дер. Широковой (в 12 верстах от Далматова)—главного гнезда «бунтовщиков».

Короткая и неблагодарная народная память не сохранила имен этих истинных народных героев,—они стали известны лишь по архивным материалам—никто не поставил им памятников и только монахи долго еще проклинали их имена.

В октябре 1762 г. староста Лаврентий Широков и Кузьма Мерзляков собрали выборных представителей монастырских крестьян в Далматов. Здесь, в «сезжей избе» (административное учреждение, соответствующее волости или исполкому) они разъяснили им действительный смысл нового Екатерининского указа, наказали крепко держаться только «рублевого оклада» и, кроме него, никаких повинностей для монастыря не выполнять.

Повидимому этот наказ был очень убедителен, так как тотчас же после с'езда—все монастырские крестьяне забастовали. А привыкшие к готовому труду старцы и старицы Введенского женского монастыря*)—оказались в самом плачевном положении. Наступили холода, а упрямые крестьяне не подвозили в монастырь дров, не доставляли для монашеского скота сена, не варили для братии квасу и пива, сложенный в скирды хлеб оставался в полях,—словом, отрешившиеся от мира подвижники были предоставлены их собственной судьбе.

*) В полуверсте от Далматовского монастыря находился Введенский женский монастырь, приписанный к мужскому.

«Старцы» и «старницы» дрожли в своих нетопленных кельях, монастырский скот гибнул от бескормицы, но, тем не менее, расофорные помещики не уронили своего звания и не унизились до черной работы. Это было чисто мужицкое дело, они же собрались сюда и окружили себя каменными стенами исключительно для того лишь, чтобы «спасаться и молиться за грешный мир».

Но грешный мир плохо оценивал монашеские духовные подвиги и молитвы и упорно стоял на своем. Мало того, забастовка, подобно волнам от брошенного в спокойную воду камня, распространялась все шире и шире. Благодаря энергичной работе Широкова и Мерзлякова—к ней присоединились крестьяне и других, расположенных в Исетской провинции, монастырей и Рафаиловские, и Кондинские, и Воскресенские «старцы» оказались в таком же глупом и жалком положении, как их Далматовские собратья по ремеслу.

Тогда архимандрит Иакинф, испытавши, по выражению официальной жалобы, «все меры увещания и кротости», просил выслать в Далматов, «для восстановления порядка», воинскую команду. Отзывчивый друг монахов, исетский воевода Ермолов, послал туда капитана 6-й роты Азовского армейского драгунского полка Стяжкина, с командой в 40 человек. Прибыв в Далматов, Стяжкин расположился со своими драгунами в монастыре.

Здесь, в гостеприимных и обильных не только небесными, но и земными благами стенах—начались ежедневные пьяные оргии. «Нищие и убогие» старцы всеми силами старались накормить и задобрить своих «милостивцев» и защитников.

Началась уже настоящая война между монастырем и крестьянами. Время от времени озверевшие от беспросыпного пьянства защитники обиженных монахов проветривались. Предпринимались набеги на соседние деревни и мужики, одетые в солдатские мундиры и предводительствуемые дворянином Стяжкиным, старались захватить и «привести в покорность» немундирных мужиков.

Но немундирные мужики были неуловимы. В деревнях, как только туда приезжала пьяная стяжкинская команда, оказывались одни только дряхлые старики, женщины и дети. Но храбрые драгуны, со своим доблестным капитаном, не терялись: они приводили в покорность имевшихся на лицо противников—драли стариков, били и насиловали женщин, грабили и разоряли дома (напр., в конце октября и в ноябре спинали с избышек крыши и разбирали потолки) и все допытывались узнать, где скрываются «супротивники». А старики и бабы переносили порки и побои, но супротивников не выдавали.

В этих походах на деревни и гомерических попойках и безобразиях прошла вся зима 1762-63 г.г.

Наступила весна—время полевых работ, но монастырские пашни оставались нетронутыми, крестьяне распахивали и засеивали только свои поля, совершенно не думая о монахах. Мужики крепко помнили наказ своих выборных и твердо держались своей позиции.

На войне, как на войне—с врагами все средства допустимы. Если не удавалось добиться крестьянской покорности открытой силой, то нужно было употребить хитрость. Необходимо было захватить крестьянских вожаков и тем самым обезглавить и погасить крестьянское движение. И, вот, вскоре после посева, когда крестьяне были относительно свободны, архимандрит Иакинф и капитан Стяжкин распространяют слух, что вышел какой-то новый указ. Вызываются представители крестьян для выслушания этого указа.

Момент был выбран очень удачно. Умный, всегда находившийся в курсе правительственных веяний и предположений и хорошо знавший монахов,—*Кузьма Мерзляков* был в это время в Оренбурге. Он хлопотал там по крестьянским делам перед губернатором Волковым.

Крестьян некому было предостеречь и они, вместе со своим старостой *Широковым* и некоторыми другими вожаками, доверчиво попались в монастырскую ловушку.

В середине мая в Далматов с'ехалось около 150 человек крестьянских представителей. Собрались они на берегу Исети, под стенами монастыря, и ждали оглашения указа. Но никакого указа им не прочли, а вместо этого вооруженные драгуны, по знаку капитана Стяжкина, загнали всех их на Исетский мост, а скрывая на противоположном берегу Исети заграда отрезала им путь за реку.

Тогда солдаты и верные монастырю «благонамеренные» мужички из более зажиточных далматовцев—начали выхватывать, по указанию Иакинфа, из сгруженной на мосту толпы «зачинщиков и вожаков».

Всего было захвачено около двадцати «крамольников», среди которых оказались и «пущие возмутители»—мирской староста Лаврентий Широков, сотник Демид Лобов и выборный Соболев.

Оставшихся «на свободе» крестьян погнали к Далматовской с'езжей избе, где в присутствии Иакинфа и Стяжкина с них взяли подписку о безусловной покорности монастырю. Поставив на этих подписках свои безграмотные кресты, мужики могли уезжать.

В напутственном слове архимандрит Иакинф с дичайною откровенностью заявил «подписавшимся»:—«ваши вожаки теперь в моих руках и над ними будет учинен строгий суд; а вы отправляйтесь по своим домам и забудьте бунтовать—это бесполезно: я не пожалею издержать куда надо (иными словами, на взятки чиновникам) и пяти тысяч рублей, израсхо-

дую пять тысяч пудов монастырского хлеба и даже скорее лишусь всего монастырского имущества, а все-таки заставляю вас работать на обитель».

Крестьяне выслушали настырское наставление и, опутанные вынужденными подписками, раз'ехались по своим деревням.

А над захваченными начался обещанный архимандритом Иакинфом «суд». Когда их привели на монастырский двор, то Иакинф—этот «молитвенник за грешный мир»—совершенно озверел. Он собственноручно выбивал зубы арестованным «крамольникам», вырывал у них усы и бороды и затем их, обезображенных побоями неистового монаха и окровавленных, прогнали сквозь строй вооруженных вицами «школьников», т. е. великовозрастных воспитанников Далматовской бурсы.*)

Избитых до беспамятства пленников заковали в кандалы и разбросали по многочисленным монастырским подвалам. Несколько дней их морили голодом, потом «сжалились» и начали кормить, но только соленой пищей, но пить не давали до тех пор, пока крестьяне не изъявят покорности и не дадут подписок «быть во всем послушными святой обители». Избитые, измученные в монастырских застенках крестьянские вожаки не выдержали утонченной пытки и дали подписки.

Но и после этого их не выпустили, а держали в монастыре под строгим караулом. Главные же вожаки—староста Лаврентий Широков, сотник Лобов и выборный Соболев—были отправлены для окончательного «суда» и расправы к провинциальному воеводе Ермолову. Здесь Лобова и Соболева драли «кошками» (особый род плетей, а Широкову была оказана исключительная честь: на Челябинской торговой площади правительственный «кот» (т. е. палач) нещадно бил его кнутом. Затем всех их отправили под стражей в Далматов, но по дороге туда им удалось бежать.

Достаточно подебоширивший, но все же не сумевший добиться полной покорности монастырских крестьян, несмотря на свои удалые набеги, капитан Стяжкин в начале июня 1763 г. был экстренно отозван для усмирения крестьян Рафанловского монастыря (в Ялуторовском дистрикте).

Далматовский монастырь остался без воинской охраны и крестьяне опять зашевелились, хотя «крестьянский штаб» и отсутствовал: часть находилась в монастырских подвалах, Мерзляков—в Оренбурге, а Широков, Соболев и Лобов были в бегах. Но мужиков двигали к протестам не одни только

*) При Далматовском монастыре в то время уже существовала знаменитая по своему укладу бурса, т. е. духовное училище. Некоторые из читателей настоящего очерка, вероятно, помнят это легендарное и дико-уродливое педагогическое учреждение.

вожаки, как думали власти, их двигала главным образом, безысходная нужда и мелькнувший на короткое время радостный призра́к воли.

Раскаившийся после митрополичьего отлучения от церкви Шадринский управитель Выходцев отправил для поддержки осиротевших Далматовских монахов маленькую помощь—одного сержанта и трех солдат.

При наличии этой поддержки архимандрит Иакинф еще раз решился добиться покорности крестьян. 12-го июня около 500 человек крестьян собрались при с'езжей избе, чтобы обсудить свои дела. Туда же явились командированный из Шадринска сержант с своими тремя солдатами и десятком монастырских служителей, изменник крестьянскому делу, назначенный Иакинфом староста Лавров, да монастырский приказный Могильников.

крестьянам, для лучшего вразумления, дважды прочитали царский указ, но «они замерзлые и презлые имянцы и всевысочайшим ея императорского величества указным поведеньям противники»*) ничего не хотели знать. «В послушание и работу к старцу» (т. е. Иакинфу),—заявили крестьяне,—«мы не пойдем: знаем, как он жил в Тобольске и разорил там монастырских крестьян. Наши ходоки направились в Москву и мы будем ждать, что скажет нам Москва».

Сержанту, на его дальнейшие увещевания, крестьяне ответили, что не признают указов из провинциальной канцелярии, что туда они не для каких «раз'яснений» не поедут и никого не выдадут. «Ваш воевода со своими товарищами (т. е. с членами коллегии) нам не командир»,—сказали мужики «с превеликим шумом»**)—а вы, если у вас крепки головы, принимайтесь за нас. Не довольно ли уже и того, что вы безвинно били кнутами наших избранных?»

Внушительная отповедь крестьян, а также замеченный монастырскими представителями в с'езжей избе значительный арсенал—копья, косы и проч.—отбили у них охоту продолжать увещания. Они направились обратно в монастырь и по дороге пытались захватить четырех крестьян. Попытка эта, однако, кончилась очень печально для солдат и монастырских служек: на выручку захваченных подоспели их товарищи, жестоко избили регулярное и нерегулярное монастырское войско, так что оно едва добралось до спасительных кремлевских ворот.

*) Цитируется из донесения арх. Иакинфа Тобольскому митрополиту от 22 июня 1763 г.

**) Там же.

VI.

Встревоженный архимандрит Пакиф обратился в Исетскую провинциальную канцелярию с «промеморией» об экстренной помощи «дабы опая благоволила с Далматовскими крестьяны, яко суще противниками а кому, о том и сами присутствующие Исетской провинциальной канцелярии как довольно закон божий и права государственные знать могут, учинить так, как ея императорского величества с таковыми противниками права повелевают неумедлительно, дабы от того по возникшему их злому намерению учиниться как мне, монашествующим, служителям и в послушании прежде пришедшим крестьянам битья, а паче смертного убийства, что от них и похвалках пред сим уже происходило».

Просьба перепуганных монахов была удовлетворена. В последних числах июля в Далматов прибыл, по ордеру Оренбургского губернатора Волкова, поручик Азовского драгунского полка Семен Теленев, с командою в 60 человек. Также, как и его предшественник, он расположился со своими драгунами в монастыре.

Тотчас же по прибытии Теленев приступил к искоренению «крамолы». Казалось, теперь это уже не трудно было достичь: крестьяне после бурной вспышки как будто опять притихли, большая часть их вожаков находилась под стражей или в бегах. Так, по крайней мере, думали монахи и Теленев, но дальнейшие события показали ошибочность этих расчетов. На этот раз им пришлось иметь дело уже не с разрозненным и лишь пассивно сопротивлявшимся крестьянством, а с организованной, тесно сплоченной и внушительной по своей численности силой.

Правда, в начале «приведение крестьян в покорность» шло как будто успешно—они пока еще не решались на открытый вооруженный отпор. Теленев раз'езжал со своими драгунами по деревням и, употребляя те же меры воздействия, что и Стижкин,—дранье плетью, побои и грабежи,—отбирал от крестьян подписки.

9-го августа 1763 г. Теленев хвастливо сообщал Далматовскому монастырскому правлению.

«Во исполнение полученного мною от его превосходительства господина действительного штатного советника п Оренбургской губернии губернатора Дмитрия Васильевича Волкова ордера, по прибытии моем с командою в здешний Далматов-монастырь прошедшего июля с 28 числа, сего августа по 8-е число оного монастыря противящихся властям своим крестьян разных сел и деревень *осею шестьсот шестидесят десять человек* в силу высочайших именных указов Ея Императорского Величества, чтоб быть у властей своих во вседолжном и непременном послушании, как оными указами определено, у меня

подписались, а кто именно те крестьяне и которых сел и деревень и в какой силе подписку дали, при сем оные впредь для ведома в Далматовское монастырское правление во архипсале (оригинале) сообщая. А которые того монастыря крестьяне в прежних своих противностях и во ослушании вмятым Ея Величества указом остались в своем бунтовстве и какие от них происходят непорядки и что с оными ослушниками впредь чинить повелено будет, о том с требованием резолюции от меня представлено и об оном Далматовское монастырское правление благоволит быть извещено».

При сообщении поручика Теленнева было приложено целых три листа крестьянских подписок. Подписки эти, между прочим, отбирались с поручительством других крестьян и в случае «бунтовства» или побега «подписавшегося» — поручитель отвечал своим имуществом и подвергался «истязанию».

Какую ценность имела эта куча подписок, полученных под поощрительными ударами драгунских плетей и являлось ли достаточною гарантией поручительство, — показало ближайшее будущее.

Расселенный было «крестьянский штаб» опять собрался вместе и скоро дал знать о себе успокоившимся монахам и их самоуверенному зашитнику.

В середине августа в Далматов возвратился крестьянский писарь Кузьма Мерзляков. Он долго и безуспешно обивал пороги Оренбургских правительственных канцелярий и потерял всякую надежду на законное восстановление крестьянских прав. Оставил он мысли и о поездке в Москву, где сидели и правила те же чиновники-дворяне.

Прибыл Мерзляков в Далматов без излишней огласки, так как знал, что там сидит Теленнев и что его ожидает арест. Перейдя на «нелегальное положение», он повел деятельную агитацию среди крестьян. Скоро к нему присоединились бежавшие из-под стражи, при отсылке их из Челябинска в Далматов, староста Широков, сотник Лобов и выборный Соболев.

Мерзляков и Лобов работали в районе Далматова, а Широков с Соболевым закидали и поднимали крестьянство более отдаленных от монастыря Затеченских селений.

Агитация на этот раз была гораздо успешнее по своим результатам, чем раньше. Карательные экспедиции Стяжкина и Теленнева, повальные порки чуть ли не целых деревень, варварские истязания и грабежи и без того уже ограбленных крестьян, принудительные подписки, — все это вместе взятое воспитало в крестьянах непримиримую ненависть к «святой обители» и, в особенности, к ее главе — архимандриту Иакинфу. Крестьянская масса представляла теперь чрезвычайно легко воспламеняющийся материал и с готовностью откликалась на призывы своего штаба.

Повсюду началась работа—застучали деревенские кузницы, изготавливая уже не мирные орудия крестьянского хозяйства, а оружие для борьбы со своим исконным врагом и угнетателем—монастырем. Ковались копыя и рогатины, насаживались на древки косы и лемехи, чинились старые кремневые ружья.

Повсюду создавались небольшие партизанские отряды. Между ними была установлена живая и быстрая связь, каждый знал, что делается в том или ином месте, каждый отряд был готов по первому зову двинуться на соединение со своими товарищами-повстанцами.

Зашевелились также и монастырские крестьяне Исетского и Ялutorовского дистриктов, Исетской провинции, куда был отправлен хорошо знакомый далматовцам капитан Стяжкин. Далматовские агитаторы бросили и туда искру.

Иакинф и Телешев, у которых было достаточно преданных глаз и ушей среди «благонамеренных» крестьян, следили за деятельностью «крамольников», но все-таки они многого не заметили и не поняли размеров и глубины охватившего монастырские деревни волнения. Они все еще верили в силу отобранных от крестьян подписок, все еще надеялись, что крестьяне «одумаются» и старались поймать вожakov.

По отношению к крестьянам, упорно отказывающим в повиновении монастырю, была применена новая мера воздействия—их лишили соли. Продажа поваренной соли в то время была монополизирована государством и в Далматове находился казенный соляной склад. Но соль отпускалась только «изъявившим покорность». Однако «крамольники» предпочитали обходиться без соли, чем идти под команду к архимандриту Иакинфу.

Чтобы внести рознь среди крестьян, Иакинф везде рассылал воззвания к «добрым обывателям», призывал их ловить ослушников властям, в особенности же тех из них «кто воровские письма развозят», обещая за услуги награду. С подобными воззваниями он обращался даже и в башкирские деревни и не безуспешно: какой-то башкирский старшина Мансур доставил в монастырь на расправу несколько мятежных крестьян.

Телешев также рассылал, для поимки мятежников, раз'езды, но уже не так далеко от Далматова и не с прежнею смелостью, в особенности после жестокого урока, полученного однажды его драгунами и монастырскими служителями, последние обыкновенно раз'езжали одетые в запасные драгунские мундиры, чтобы этим маскарадом скрыть «малолюдство команды» и создать иллюзию значительных регулярных отрядов. Такой смешанный, полу-драгунский, полу-монашеский отряд—отправился в конце августа для поимки Мерзлякова, который по полученным сведениям находился в окрестностях Далматова. Раз'езд неожиданно столкнулся с большою толпою вооруженных крестьян, которые жестоко избili солдат и служек и

одного из них захватили в плен, вместе с лошадью и вооружением. Остальные бежали «под покровительством божьим», как выразился в своем доносе Иакинф.

Вскоре после этого случая какой-то перепуганный монастырский служака сообщил Иакинфу, что видел в окрестностях Далматова „великое множество народа и все держат в руках поднятые вверх шесты, а в них врезаны косы, ножи и остроги (рыболовные), неведомо для чего“.

Иакинф и Теленнев прекрасно поняли, для чего вооружается народ и потеряли головы. О каких-либо усмирительных походах Теленневу с его небольшой командой, хотя бы и подкрепленной переряженными в драгунские мундиры рядсофторными воинами,—не приходилось и думать. Крестьяне, еще за месяц перед этим дававшие, по требованию властей, какие-угодно подписки и покорно подставлявшие свои надсаженные на работе спины под драгунские плети и пагайки, теперь перешли не только к открытому сопротивлению, но, по видимому, готовились уже к наступлению на своих врагов.

Крестьянский дух вдохновляла твердая уверенность, что они борются за правое дело, что в правительственных верхах давно уже решено избавить их от монастырской барщины и что местные власти, в собственных интересах, совершенно иначе понимают и объясняют последний екатерининский указ. В этой уверенности их поддерживала и политика архимандрита Иакинфа, который как будто боялся непосредственных сношений крестьян с высшими властями и всюду отдавал распоряжения перехватывать и доставлять в монастырь всех жалобщиков с бумагами.

Теленнев, предполагавший отправить томившихся в монастырских подвалах узников для расправы в Исетскую провинциальную канцелярию, отказался от первоначального своего намерения. Он боялся, что крестьяне нападут на незначительный конвой и легко отобьют арестованных. И захваченные по прежнему гнили в застенках святой обители, вынося на себе всю злобу „отрешившегося от мира“ палача Иакинфа. Впрочем, теперь он и монастырская братия действительно отрешились от мира, так как с каждым днем становилось все опаснее и опаснее показываться вне монастырских стен. Скоро, однако, и крепкие кремлевские стены перестали служить, в глазах монахов достаточно надежной защитой.

Канцелярские услужливые люди довели до сведения архимандрита Иакинфа, что бунтовщики угрожают напасть на монастырь и „разорить святую обитель скорее, чем одну свечку издержать“. И в такой же степени трусливый, как и жестокий, архимандрит Иакинф официально пишет находившемуся с ним под одной крышей поручику Теленневу, чтобы он усилил внутренний и наружный караул, „дабы паче чаяния противники по воспрнятому ими злему намерению не сделали на святую оби-

только в печально делном, а паче пощом времени нападения и пастоятелю с братнею и служителем и подписавшимся крестьянам *) не учинили битья, а паче, отчего, боже сохрани, и смертного убивства*.

VII.

Во второй половине августа, вскоре после того, как увенчанный лаврами усмиритель Теленев возвратился из своей экспедиции в Далматов и преподнес архимандриту Пакину документальные доказательства крестьянской покорности—их подлински,—началось усиленное формирование и вооружение повстанческих отрядов.

Отряды появились в Затеченской части монастырской вотчины—в селениях Никольском (Лантево), Песчанском, Верх-Тече, Дубасовой и др., а также и около Далматова—в Ключах, Широковой и пр.

Недешево обходилась крестьянам их партизанская мобилизация. Была самая горячая страдающая пора, когда нужно было убирать созревшие хлеба и в то же время и „косить“.

Но так велика была мужицкая ненависть к сидевшим на их шеях благочестивым ханжам, так много веры в правоту своего дела и боевой энергии, что крестьяне не останавливались ни перед чем. Напрягая все силы, они сноровисто убирали свои поля и все-таки не разоружились. Известная часть крестьянских сил несла разведочную службу и всегда была на-чеку.

Ударно законченная страда развязала крестьянские руки, которые теперь крепко взялись за топоры, рогашины и дубины. Маленькие крестьянские отряды начали соединяться в более крупные и постепенно подвигаться от повстанческой периферии к враждебному и ненавистному центру—Далматовскому монастырю.

Кто руководил общим движением, кто разрабатывал план этой крестьянско-монашеской войны,—неизвестно. Вероятно, по крестьянской психологии, всякие планы разрабатывались „всем миром“, коллективным разумом всего поднявшегося крестьянства. Облеченные же общим доверием „мирские люди“—Широков, Мерзляков, Лобов, Кауров и др.—лишь будили тяжелую крестьянскую мысль. Своею энергией и страстною ненавистью народных трибунов—они постоянно раздували и неусыпно поддерживали пламя крестьянского восстания.

В начале сентября все соединенные крестьянские силы образовали два довольно значительных отряда. Один в 200 человек расположился при впадении в Исеть речки Суварыша,

*) Добровольно подписавшиеся „благонамеренные“ крестьяне также частично укрывались в монастыре, опасаясь мести за свою измену крестьянскому делу.

в 6 верстах от Далматова, и прервал сообщение монастыря с Шадринском. Другой отряд в 500 человек— „пятисотенное воровское сборище“, как окрестили его монахи, стал на р. Тече, в 5-6 верстах к югу от Далматова, и отрезал монастырь и охранявший его Теленевский отряд от Челябинска.

Не ограничиваясь главными путями сообщения, повстанцы разослали дозоры по всем, ведущим в Далматов и из него, малым дорогам. Везде были устроены окопы и завалы, где скрывались крестьянские секреты, не пропускаая ни конного, ни пешего.

„Святая обитель“ оказалась в осаде. Нечего было и думать прорваться между осадными монастырь отрядами, имевшими даже „кавалерию“. Крестьянские лошадишки прекрасно исполняли работу ц. летучих разведочных отрядах.

Вечерами с высоких монастырских стен и башен были видны огни многочисленных костров в крестьянских отрядах, зажигались костры в „наволоках“,—заливных лугах вниз по Исети, по дороге на Шадринск,—десятки их вспыхивали на высоких теченских увалах, где разбило свой лагерь, „воровское пятисотенное сборище“. И жуткий страх нагоняли на монахов, на скрывавшихся в кремлевских стенах „благонамеренных“ мужичков и, может быть, и на теленевских драгун—эти яркие символы крестьянского гнева.

Печально и в бессильной злобе смотрел архимандрит Пакиф, как расхищалось „достояние святой обители“,—падали под крепкими ударами крестьянских топоров столетние сосны, ближайшего к монастырю Рафаиловского бора и шли на крестьянские постройки, как увозились с монастырских полей скирды хлеба, угонялся с замком и поселний сытый монастырский скот. Смотрел, и ничего не мог поделать.

Укрывавшиеся в монастыре добровольно „подписавшиеся“ крестьяне (их было здесь около ста человек) беспокоились за безопасность оставленных за стенами своих семейств и за целостность имущества. Но „бунтовщики“ были гораздо благороднее, чем о них думали: „презлейшие вору и предерзостные супротивники“ не трогали ни домов, ни семей изменников крестьянскому делу. Они не хотели подражать вопиющим подвигам стяжкинских и теленевских драгун.

Осажденных охватило полное уныние и отчаяние. Хотя высоки и крепки были кремлевские стены и башни, не мало пушек, ружей и боевых припасов и достаточно продовольствия в обширных монастырских складах и амбарах,—но все не забывалось грозное обещание восставших „разорить монастырь скорее, чем одну свечку издержать“. Уныло звонили монастырские колокола, непрестанно совершались церковные службы и неслись молитвы о небесной помощи.

Но восставшие крестьяне ограничивались только тем, что держали монастырь в осадном положении. Никаких требова-

ний теперь они не пред'являли, не посылали парламентаров, зная по опыту, что их послы подвергнутся обычным в монастырской практике истязаниям и попадут в монастырские подвалы.

Не вступали в переговоры и осажденные. Обе стороны выжидали: крестьяне думали, что монахи сдадутся и удовлетворят их „по указу“, а Иакинф и Теленев ждали помощи из Челябинска.

Каким то образом Иакинфу удалось отправить, минуя крестьянские заставы, курьера в Исетскую провинциальную канцелярию, с просьбой о помощи. Он просил послать в Далматовой большой воинский отряд, в подкрепление Теленеву, и предлагал содержать его „на крестьянском коште“, т. е. сами же бунтовщики должны были кормить своих усмирителей.

Монастырский посланец сумел незаметно пробраться вперед и обратно, но привез Иакинфу весьма неутешительный ответ. Из Челябинска ему писали, что „хотя Исетская провинциальная рота солдат комплектом и состоит, но только из оной, не мало имеется в разных казенных и прочих раскомандированиях, а остальные находятся у денежной казны в счетчиках и бессменно в караулах, а казаков хотя в здешней провинции состоит и не мало, но только они находятся не в здешней, а в особенной команде и Исетская провинциальная канцелярия без повеления главной своей команды наряду учинить не может; по указу же Оренбургской губернской канцелярии усмирение то положено на полк Азовский“...

Указание провинциальной канцелярии на обязанность Азовского драгунского полка усмирять крестьянские волнения—конечно, не устраивало монахов. Полк почти целиком находился в деле: часть драгун, во главе с поручиком Теленевым, отсиживалась в Далматове, капитан Стяжкин дебоширил в Ялуторовском дистрикте, а остальные части, под общим командованием подполковника Аборина, находились на юге Исетской провинции, где также было очень неспокойно. Крестьянское движение, вначале бывшее простым экономическим протестом, становилось с каждым днем все более широким и глубоким, втягивая в себя уже и не приписанные к монастырям селения. В бумагах, впоследствии найденных у Кузьмы Мерзлякова, перечислено не мало деревень, не приписанных ни к одному из монастырей Исетской провинции, но тем не менее примкнувших к общему крестьянскому движению.

Повидимому агитация „презлейших возмутителей и толкователей“—Мерзлякова, Широкова, Лобова и других—была гораздо революционнее, чем понимали и обрисовали ее впоследствии в переписке по этому делу, крестьянские палачи и насадители „законного порядка“. Она затронула самые набо-

левшие стороны быта присетского хлебороба, расшевелила его сокровенные думы о хлебе и воле и побудила его собственными руками добиваться лучшей доли.

Суварышский (по дороге в Шадринск) и затеченский повстанческие отряды стояли на своих местах до глубокой осени. С наступлением холодов, часть повстанцев разошлась по своим домам, но осада с монастыря не была снята. Дороги по прежнему охранялись крестьянскими караулами и в этом напряженно-выжидательном положении и мелких стычках с предпринимавшими иногда вылазки драгунами—пришла зима 1763—64 г.

VIII.

Весною 1764 г. бунтовщики, покончив с ранними полевыми работами, вновь соединились в «двухсотенное и пятисотенное воровские сборища» и заняли прежние стратегические пункты вблизи Далматова, на Шадринском и Челябинском трактах.

Но опять, как и предыдущей осенью, повстанцы не предпринимали никаких активных действий против осажденного монастыря. Правда, отрезав Далматов от Шадринска и Челябинска, они зорко следили за осажденными, но как то упустили из вида, что есть еще путь из Шадринска в Челябинск и дальше—в Оренбург и что вести о их восстании могут в конце концов, дойти и до губернского административного центра. Может быть их беспечность объяснялась тем, что темные крестьяне наивно верили и веруэту, возможно, разделяли и большинство вожаков,—что высшие власти на их стороне и скоро к ним придет «настоящий манифест».

А между тем за спиной повстанцев собиралась гроза. В Оренбурге узнали, наконец, о действительном положении дел в Далматовском районе и о размерах повсеместно начавшегося сильного брожения среди крестьянства. Беспечный и любивший пожить в свое удовольствие Оренбургский губернатор Волков понял на этот раз, что крестьянское движение далеко выходит за пределы обыденных «мужичьих бунтов», обыкновенно утихавших при одном только появлении одного-полоторых десятков солдат. Встряхнувшись от своего административного бездействия, Волков решил в корне пресечь «крамолу».

В беспокойный Далматовский район был двинут весь целиком высококвалифицированный в деле усмирения Азовский драгунский полк. Командовал драгунами известный своею «твердостью» подполковник Аборин.

Край был объявлен на военном положении. Подполковник Аборин получил от губернатора Волкова чрезвычайные

полномочия—действовать по отношению к бунтовщикам решительно и беспощадно, употребляя все меры, какие только могут потребоваться обстоятельствами.

Как только миновало весеннее половодье и попросохли дороги, Аборин быстрым маршем двинулся по направлению к Далматову. После короткой остановки в Челябинске и наведении в его районе «порядков», Азовский полк появился, в начале мая, в южной части Шадринского дистрикта и тотчас же принялся за обычную для него работу.

К Далматову был отправлен, на выручку осажденных, сильный вспомогательный отряд, а сам подполковник Аборин, со значительной частью своего полка, остался в Затечинском районе.

Когда крестьянские дозоры сообщили о приближении правительственных отрядов, повстанцы поняли, что обманулись в своих надеждах на заступничество высших властей и что их дело теперь безнадежно проиграно.

Дальнейшая борьба была бесполезна. Что могли поделать они, неуклюжие в военном деле мужики, вооруженные примитивными дубинами и рогатинами, против регулярного кавалерийского полка, отлично вооруженного, дисциплинированного и опытного во всяких боях и усмирениях?

Крестьянские отряды рассеялись. Но повстанцам нельзя было показаться и в свои деревни—их повсюду ожидали карательные драгунские раз'езды.

Разбившись на мелкие кучки, повстанцы скрывались в лесах и полях, переносили голод и нужду, но и эти убежища все же не спасали их. За ними, как за интересною и ценною дичью, была организована правильная и упорная охота. Собаками-ищейками служили, отчасти, монастырская братия, а, главным образом свои же крестьяне из «благонамеренных». Пугливо молчавшие до прибытия драгун, они теперь ожили и в порыве рабского усердия с головой выдавали своих беспокойных собратьев.

Повстанцев постепенно вылавливали; драли и увечили авансом, но окончательную расправу откладывали до полного усмирения. Необходимо было «пресечь заразу», переловить всех, в особенности вожakov, и тогда уже устроить хотя бы некоторое подобие суда.

Осада монастыря была снята. Поручик Теленев, подкрепленный посланным от полковника Аборина отрядом, теперь с особым рвением принялся за ловлю бунтовщиков в окрестностях Далматова. И в то время, как празднично гудели колокола монастырских церквей и «святая обитель» возносила благодарственные молитвы за свое освобождение,—вновь засветили беспощадные драгунские плети. В Далматовский кремль потянулись вереница за вереницей избитые и связанные бунтовщики.

Не избежали общего и трагического конца борьбы за волю и «презлейшие воры, возмутители и толкователи» — Мерзляков, Широков, Лобов, Кауров и др. — все они были захвачены и в ожидании «суда» брошены в крепкие монастырские казематы.

Каковы же были суд и приговор?

Никакого суда, в сущности, не было. Все захваченные, все оговоренные монахами и добровольно подписавшимися крестьянами, — были виновны и должны были понести наказание. Размеры его зависели от степени виновности бунтовщиков.

Из переписи по делу «видно», что подполковник Аборин распорядился: «наказать не весьма престарелых и негодных в рекруты, при общем собрании прочих крестьян, — кнутом^{*}), а молодых и впредь годных в рекруты — плетью и в наказание отослать всех их к отцу архимандриту Иакинфу, при письменном известии, скованных, в полугодичную работу». Иными словами, надорвавшихся на монастырской работе и, следовательно, малопенных с хозяйственной точки зрения пожилых крестьян — не стоило особенно щадить и можно было калечить и вгонять в гроб кнутом, а молодых и годных для монастырской барщины и для солдатчины — следовало побережь. Ведь эти, исполосованные плетью, бунтовщики должны были отбыть по распоряжению «настоячивого» Аборина, еще особую, кроме обычной, полугодичную монастырскую каторгу. Но такое наказание, несомненно, было применено лишь по отношению к рядовой бунтовщической массе, той крестьянской массе, которая стихийно и, нередко, безотчетно шла за своими вожаками.

Как же было поступлено с вожаками?

Сладкоречивый и весьма не беспристрастный в освещении событий прошлого, историк Далматовского монастыря Г. С. Плотников кратко знакомит читателя лишь с эпилогом «Дубинщины». Касаясь этого местного исторического события, он глухо и неопределенно говорит: «Телепнев укротил волнение в с. Николаевском (т. е. самом Далматове), дер. Смирновой, Широковой, в Верхнем и Нижнем Яру, а настоячивый Аборин укротил волнения в деревнях Затечинских, предав казни 167 человек главных крамольников».

И только всего. Какая казнь постигла «главных крамольников», — не сказано. Но сохранившееся в народе предание, о котором долго живший в Далматове Г. С. Плотников не мог не знать, гораздо определеннее повествует о расправе над главными бунтовщиками. По словам предания, вожаки восстания были повешены на каменных зубцах далматовских

^{*} Наказание кнутом было ужасно, в особенности руками опытного «завлечного мастера». После 10 ударов люди теряли сознание, а при 20-25 ударах наступала смерть.

кремлевских стен и долго висели снаружи «святой обители», на страх всем, кто бы еще раз осмелился подняться против власти.

Сейчас, через полуторастолетний промежуток времени, невозможно, разумеется, установить насколько отвечает действительности это жуткое предание. Но в те жестокие времена, когда крепостное крестьянство было лишь простым навозом, на котором пышно расцветала дворянская культура, когда жизнь мужика не ставилась ни во что — в те времена все было возможно. Думается, что главные вожаки и вдохновители крестьянского восстания и, в особенности, ненавистный для монахов «презлейший вор и возмутитель» Кузьма Мераляков, — вряд ли остался в живых после монашеско-военного «суда».

К середине мая с «Дубинщиной» было покончено. Увенчанные победными лаврами усмирители Аборин и Телешнев оставили «успокоенный» далматовский район и довольных счастливым исходом борьбы монахов.

В географическом словаре Шадринского дистрикта появились новые названия — памятники о жестоких расправах над побежденными крестьянами — деревни Поротова и Кнутова.

А меньше чем через две недели после кровавого эпилога крестьянского восстания — 24 мая 1764 г. — был обнародован указ об учреждении нового министерства — Коллегии Экономий и вновь вызван к жизни засунутый в архив указ Петра III «о монастырских штатах».

Отныне все монастырские и церковные земли, вместе с приписанными к монастырям селениями, были изъяты из ведения расофорных и монашествующих помещиков и переданы в управление Коллегии Экономий. Бывшие монастырские земли и селения стали, с этих пор, называться «экономическими».*)

Избавленные от натуральных повинностей в пользу монастырей, крестьяне теперь были обязаны платить денежный оклад в размере полуторых рублей в год с податной души. Монастыри же из денег, собираемых с их бывших крепостных, должны были получить лишь ту сумму, какая причиталась на их долю по «расписанию штатов монастырских», в зависимости от церковно-административного значения того или иного монастыря. Далматовский монастырь по этому новому расписанию был причислен лишь к третьему, т. е. самому низшему классу.

Таким образом далматовские и прочие мужики получили наконец с правительственного олимпа ту подачку, о которой мечтали и за что так долго и трагически боролись. Здесь особенно знаменательно то, что вопрос об изъятии монастырских крестьян и передачи их в управление Светской власти — при-

*) Такое название до сих пор сохранилось в Верхотурском уезде — там есть село Невьянско-Экономическое или Монастырское. Когда то здесь был монастырь, упраздненный в конце XVIII в. Крестьяне с Невьянского были приписаны к монастырю.

ципиально был решен еще задолго до опубликования указа об учреждении Коллегии Экономий. И если этот проект провалялся некоторое время в правительственных канцеляриях и не сразу получил значение закона, то все же ни для кого не составлял секрета. Знали об этом как Оренбургский губернатор Волков, так и его опричники—Аборин и Телепнев, хорошо знал и архимандрит Иакинф.

Ради чего же, в таком случае, было совершено это жестокое преступление—зверская расправа с темными мужиками? Ради чего, на их требования—поскорее дать им те льготы, какие уже были определены в правительственных верхах,—им отвечали кнутом, выстрелами и веревкой?

Все во имя одного и того же, священного и веками охраняемого принципа бездушно-жестокоей царской власти,—принципа безграничного господства маленькой кучки «благородных» классов над много миллионным и темным, одурманенным систематическою религиозною ложью, крестьянством. Всякий проблеск крестьянской мысли о человеческих правах, всякие попытки в этом направлении со стороны «подлого народа»—были с этой точки преступными и должны были сурово караться.

IX.

Оглядываясь, более чем, на полтора столетия назад, мы уже достаточно искушенные в опыте революционной борьбы и революционного творчества,—ясно видим, что «Дубинщина», это самое раннее в здешнем крае массовое народное движение, носила преимущественный характер стихийной вспышки. Мы видим, что крестьянское восстание было плохо подготовлено и мало продумано, что повстанцы не рассчитали ни своих сил, ни сил и почти безграничных средств противника.

Но тем не менее, подавленная с обычною для самодержавной власти беспощадною жестокостью, «Дубинщина» не прошла бесследно для края. Она произвела огромный сдвиг в психологии зауральского крестьянства. Этот первый и очень тяжелый опыт массовой борьбы—явился хорошей революционной школой для зауральского хлебороба. Он ярко осветил истинное отношение лицемерной и бессердечной царской власти к ее «верным подданным», поколебал младенчески-наивную веру в ее святость и справедливость.

Втиснутая в тесные рамки классово-дворянской законности,—крестьянская мысль о воле, и после жестоких расправ и диких насилий,—не угасла. Под обманчивой пеленою внешнего спокойствия и видимой покорности—в глубоких и сокровенных тайниках крестьянской души теплился огонь будущего великого народного гнева, чтобы потом, через десять лет, разгореться огромным пламенем Пугачевского пожара.

Ореол и религиозное обаяние Далматовского монастыря после «Дубинщины» также в значительной степени потускнели: у самых доверчивых раскрылись глаза и они поняли, какие цели преследуют отрешившиеся от мира «старцы». Монастырь, лишенный с учреждением Коллегии Экономий, своих огромных поместий и бесплатной рабочей силы, постепенно захирел. Его главным источником дохода теперь были только приношения богомольцев и дары «доброхотных дателей». Попытки увеличить доходы, в роде распространения слухов о предстоящем открытии мощей основателя монастыря, Далмата, — оказались неудачными: «мощи» не открывались и не совершали «чудеса».

Да, «Дубинщина» оставила яркий след. Ни в одной части нашего Зауралья не проявлялся впоследствии в такой степени дух свободолюбия, как именно в местностях, захваченных этим движением. Все последующие народно-революционные движения, не говоря уже о Пугачевщине, все эти «картофельные» и др. бунты — находили самую благодарную и хорошо культивированную почву главным образом на Шадринских равнинах, обильно политых кровью мучеников первого крестьянского восстания.

БИБЛИОТЕКА
МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ
СССР

♦♦ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ ♦♦
И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ ИЗДАНИЯ
УРАЛКНИГИ.

ТЕКУЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Современные задачи партии (сборники материалов к дискуссии о задачах партии).

Сборник № 1. Внутривнутрипартийные задачи.

Сборник № 2. 1 ч. Внутривнутрипартийные задачи.

2 ч. Задачи по экономполитике.

Мархлевский—Революционное движение Германии и Польши.

Зиновьев—Проблемы германской революции.

Какое дело русскому крестьянину до германской революции.

О газете—сборник статей т. Ленина и др.

Керженцев—Памятка организатора.

Стенографический отчет 1-ой Уральской Областной конференции Р. К. П. (б).

Шубин—Какая польза крестьянину от районирования.

РЕЛИГИЯ:

Степанов—Об аде и рас.

Степанов—Развитие религиозных верований.

Миков—Почему я попа разлюбил.

Степанов—Мысли о религии.

МАРКСИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Ленин—О марксизме. (Сборник статей.)

Ф. Энгельс—Развитие социализма от утопии к науке.

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Зиновьев—История Р. К. П.
Анат. Герасимов—Год в козачковском застенке.
А. Бере—Пугачевщина.
А. Каптерев—Дубинщина.
„Живой Гранит“—сборник статей о движении молодежи на Урале.

П О А В И А Ц И И:

- Троцкий—Авиация—орудие будущего.
В. Валь—Зачем нам нужен воздушный флот.

БЕЛЛЕТРИСТИКА:

- Джек Лондон—Бывалый.
Ляшко—Рассказ о кандалах.
Либединский—Неделя.
Владимирский—Володька Кольцов.
Асеев—Буденный.
Вс. Иванов—Партизаны.

С К А З К И (ДЛЯ ДЕРЕВНИ):

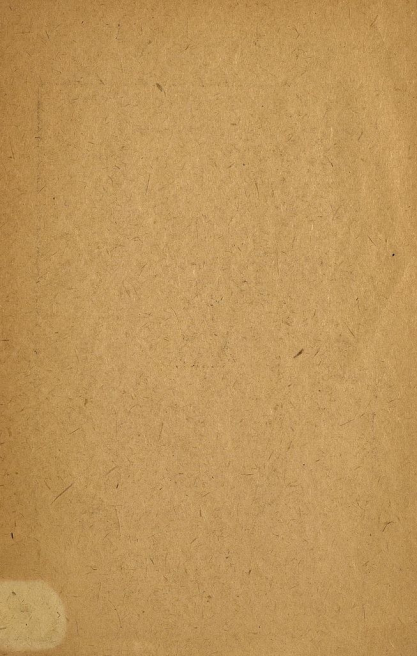
- В. Маяковский—Вон сапогон.
Д. Бедный—О красном пепухе.
„ — Клад.
„ — Диво-Дивное.
Добржинский—Про Тима Грязного.

К А Л Е Н Д А Р И:

- Крестьянский настольный календарь на 1924 г.
Рабочий опрывной календарь на 1924 г.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я:

- Влад. Зазубрин—Два мира.
Энтон Синклер—Джунгли.
Труд и Борьба—Хрестоматия.
Немчинов—Хозяйство Урала.
Р. Лефевр и В. Кутюрье—Солдатская война.
Вс. Иванов—Бронепоезд 14-69.
Словарь иностранных слов (помощь читателю газеты).

ЦЕНА 30 КОП 30Л.

СКЛАД ИЗДАНИЯ

Г. Екатеринбург, улица Вайнера, 16
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР УРАЛКНИГИ.
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В МОСКВЕ
Ильинка 4, помещ. 29.

